

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.4)
EDN [ZFLEKU](https://edn.zflek.ru)
УДК 130.2+316.7

О. А. Ивенкова¹, Н. Б. Итунина¹

¹ Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Современная противоречивая и рискогенная социокультурная динамика обуславливает актуализацию философско-культурологического анализа антропологического смысла культуры вообще и культуры повседневности в частности. Целью исследования является рассмотрение теоретических междисциплинарных подходов к пониманию антропологического смысла культуры повседневности и выявление их функционального потенциала в решении проблем современности. Для анализа используются философско-исторический, культурологический и семиотический подходы, включающие элементы сравнительно-исторического метода для анализа феномена культуры повседневности и его связи с историческими социокультурными процессами. Авторы раскрывают грани антропологического смысла культуры повседневности как микроуровневого среза культуры, в котором аккумулируются и транслируются глубинные пласты культурного наследия и, вместе с тем, формируется новая идентичность человека. На основе междисциплинарных исследований выделены ключевые антропологические вызовы современности: сосуществование архаичных и модернизированных культур; эволюционно-биологические изменения человечества; сохранение телесности как антропологической ценности; самореализация человека в условиях развития искусственного интеллекта. Сделан вывод о том, что в условиях продолжающихся социокультурных, экологических и технологических трансформаций культура повседневности становится зоной повышенной уязвимости и одновременно источником сопротивления деструктивным тенденциям, сохранения глубокого антропологического потенциала общества и человека.

Ключевые слова: культура повседневности, антропологический смысл культуры, антропологические вызовы, идентичность, цифровая трансформация, личность

Для цитирования: Ивенкова О. А., Итунина Н. Б. Культура повседневности в условиях современных вызовов: социально-антропологический подход // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 50–61. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.4). EDN [ZFLEKU](https://edn.zflek.ru).

Введение. Понятие «культура» является одним из наиболее распространённых в научном дискурсе, но в многообразии трактовок и прочтений смысловое наполнение его неоднозначно. Вариативность граней данного феномена находит своё отражение в многообразии его определений, отражающих многослойность и альтернативность целей и методологических подходов, используемых для его изучения и понимания.

Вместе с тем, признание антропологического смысла культуры как меры человеческого в человеке — это то, с чем согласны авторы всех определений культуры, независимо от их специфического подхода к ней. Культура — дело рук человеческих, в ней человек ищет и находит себя. В культуре и через культуру человек реализуется как индивид, индивидуальность и личность; в культуре и через культуру осуществляется бесконечное совершенствование человека как личности, главными атрибутивными характеристиками которой, по нашему

мнению, выступали и выступают ответственная свобода, творчество и духовность.

Наиболее ярко антропологический смысл культуры проявляется в культуре повседневности, понимаемой и принимаемой как привычный ритм жизни, традиционный уклад и поведенческий паттерн, прочный фундамент уверенности и предсказуемости, заданный нормами, ценностями, идеалами. Однако в эпоху стремительных перемен, развития технологий, интенсификации темпа социальных взаимодействий и трансформаций образа жизни индивидов повседневность становится ареной серьёзных испытаний. В такой обстановке обостряется противоречие между привычной жизненной средой, её адаптационным функционалом и непрекращающейся чередой вызовов современности, стремительно меняющих знакомую реальность, формирующих новые условия жизнедеятельности и, соответственно, новые механизмы адаптации.

Культурология как наука о человеке и культуре. Стоявший у истоков культурологии как самостоятельной науки вслед за В. Освальдом (1853–1932) американский культурантрополог Л. Уайт (1900–1975) в программной статье «Наука о культуре» подчёркивал, что мир человека — это мир его культуры: «открытие культуры когда-нибудь встанет в истории науки в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни» [1, с. 147]. Термин «культурология», по Л. Уайту, «выявляет связь между человеческим организмом, с одной стороны, и экстрасоматической традицией, какой является культура, — с другой» [1, с. 154]. Однако, Л. Уайт, как считают историки культурологии, определяя культурологию в качестве строгой науки о культуре, пожертвовал человеком, настаивая, что культура, а не человек, определяет формы и содержание человеческого поведения [1, с. 149].

В дальнейшем как в западной, так и в отечественной исследовательской культурологической традиции ведущей становится тенденция гуманизации культуры — превращения человека в центральный топос в пространстве реальности и современной эпистемологии. История развития культурологии связана с растущим стремлением исследователей видеть её как науку и о человеке, и о культуре.

По вектору выявления антропологического смысла культуры в культурологических исследованиях движется, в частности, К. Гирц (1926–2006), глава и авторитетный представитель школы интерпретативной антропологии США второй половины XX века. Предлагая не противопоставлять биологическое и культурное в человеке, он формулирует два ключевых положения своей культурантропологической концепции: во-первых, человек — животное, чьё поведение зависит от культурных программ; во-вторых, культура — это совокупность контрольных механизмов, управляющих поведением людей [2, с. 115–138].

Разделяя идеи представителя школы философской антропологии М. Шелера о неспециализированности человека и эксцентричности его положения в мире, Гирц полагает, что в процессе эволюции биологическое и культурное развивались параллельно, что в дальнейшем обусловило их взаимодополняемость в настоящем. Являясь детищем человека, культура, в свою очередь, формирует человечество как единый биологический вид и как отдельных индивидов, личностей.

Отталкиваясь от своего видения человека как «незавершённого животного», которое само себя завершает посредством культуры, её конкретных форм, К. Гирц предлагает саму культуру понимать как исторически транслируемую

систему значений, воплощённых в символах. Символы, как элементарные частицы культуры, символические комплексы и культурные системы выполняют функцию формирования поведения людей в рамках той или иной культуры. Эта функция присуща высокой, а также срединной культуре, которые, не сливаясь, проникают в культуру повседневности — обыденную культуру.

Последняя формируется обычаями, традициями, обрядами, нормами, которые мало осознаются и поддерживаются в силу привычки. Действия человека на обыденном, повседневном уровне культуры чаще всего управляются набором правил, которые К. Гирц объединяет понятием «здравый смысл». Для него повседневность — это культурная система здравого смысла. Исследователь убеждён: если мы хотим действительно познать человека и человечество, следует стремиться раскрыть характер не только разных культур, но и разных видов индивидов внутри каждой культуры. Путь к общему, убеждён Гирц, «лежит через изучение особенного, обусловленного конкретными обстоятельствами» повседневной жизни [2, с. 137].

Осваивая культуру с детства, каждый человек входит в мир и обретает в нём своё бытие — в этом проявляется её экзистенциальный смысл. В дальнейшем культура, прежде всего культура повседневности, остаётся для человека микросредой, обеспечивающей его жизненные потребности и наполняющей большую часть жизни.

Непреходящую значимость феномена культуры повседневности подчеркнул её глубокий исследователь Ю. М. Лотман (1922–1993). Он был убеждён, что сама «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а “самостояние человека” превращает его в историческую личность. Эти слова отражают квинтэссенцию исследовательского кредо Лотмана — выдающегося отечественного специалиста, органично соединявшего историю культуры с историей человеческой души. По нашему мнению, это вышеприведённое утверждение раскрывает и суть антропологического смысла культуры вообще, и культуры повседневности в частности.

Грани антропологического смысла культуры повседневности и методология их исследования. Исследовательский интерес к культуре повседневности обусловлен следующими причинами:

- если для высокой культуры характерно ограниченное число акторов, то в культуре повседневности каждый человек становится её активным деятелем, «проявляет и испытывает новую возможность — возможность построения своего собственного “идеального мира”» [3, с. 709–710];
- в повседневной культуре люди проводят большую часть своей жизни;
- повседневность выстраивает границы, задаёт систему отсчёта нормативности лежащую в основе оценки значимости других сфер человеческой деятельности;
- практичность и утилитарность повседневности не исключают её творческого потенциала — это пространство испытания методов через решение стандартных задач и перехода к другим видам деятельности [4, с. 414];
- в мире повседневности человек конституирует себя как личность: его действия помимо практического смысла обладают ценностно-символическим измерением [5].

Понятие «повседневность» ввёл французский философ М. Монтень (1533–1592), определивший её как «заурядные, стандартные, удобные для человека

моменты существования, повторяющиеся в каждый миг житейского спектакля» [6, с. 73]. XX век вывел повседневность — сложноорганизованную сферу жизнедеятельности человека — в авангард проблематизации междисциплинарных исследований. Исторические, культурологические, социологические, лингвистические, антропологические и другие исследования поставили понятия «повседневность» и «культура повседневности» в ряд ключевых в понимании социокультурных процессов. Особую роль в изучении и определении особенностей культуры повседневности сыграли исследователи французской школы «Анналов» М. Блок, Ф. Бродель и др. В феноменологическом ключе культура повседневности исследовалась такими мыслителями, как П. Бергер, Г. Гарфинкель, Э. Гуссерль, Т. Лукман, А. Шютц и др.

В России понятие повседневности прорабатывали М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман. Содержательный анализ феномена повседневности продолжается в первой четверти XXI столетия. Среди современных исследований следует указать на работы Л. Г. Ионина, И. Т. Касавина, М. В. Капкан, Н. Н. Козловой, Е. В. Золотухиной-Аболиной, В. Д. Лелеко, Б. В. Маркова, Т. Б. Мосоловой и других.

Как показано в исследованиях, повседневный мир — это реальность, в которой люди рождаются, живут изо дня в день и умирают. Именно повседневность составляет безусловные предпосылки и конечную сферу приложения всех остальных форм существования и деятельности людей, целостный социокультурный жизненный мир как «естественное» условие человеческой жизнедеятельности [7, с. 254]. Мир обыденной жизни не выбирают, его находят как само собой разумеющуюся реальность.

В рамках деятельностно-событийного подхода жизнь человека рассматривается как процесс сознательной, наделённой смыслами активности, раскрывая повседневность через следующие характеристики: «необходимость и неизбежность совершения тех или иных действий, выражающих каждодневные заботы; их повторяемость, доходящая до цикличности и ритмичности во времени и событийном наполнении; замкнутость в типичных пространствах (кухня, улица, бытовка и др.); консервативность обыденных начал жизни и форм культуры; усреднённость и общедоступность повседневных задач, знаний и способов деятельности; массовый характер распространения обыденных феноменов и обезличенность событий; отнесенность к приватной сфере, не связанной с общественными и служебными обязательствами» [8, с. 8].

В результате складывается «образ повседневной жизни, стиль обыденного поведения или же просто быт представителя той или иной социальной общности» [4, с. 15–17].

Упомянувшийся выше Ю. М. Лотман, констатируя, что быт — «это обычное протекание жизни в её реально-практических формах», «это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение», задаётся вопросом: как быт может соприкасаться с миром символов и знаков, составляющих пространство культуры [9, с. 10]? Ответ он иллюстрирует конкретным примером. Лотман описывает героя из романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди», которому, чтобы скрыть от окружающих дырявые подошвы, пришлось придумать особую походку. Дырявые сапоги — это вещь, а для постороннего наблюдателя их порванные подметки становятся знаком, указывающим на бедность как символ культуры. «Итак, быт, в символическом его ключе, есть часть культуры», — заключает исследователь [9, с. 11]. Культура повседневности двойственна по

своей природе: она выступает как практическая реальность в мире знаков, так и знак (символ) в мире практической реальности [9, с. 385].

Представляется важным подчеркнуть, что культура повседневности интерсубъективна и носит коллективный характер — она формируется только в общении, в межличностных контактах. Главное в ней — не «предметы» и «процессы», а человеческие смыслы. Таким образом, культура повседневности словно соткана из тех значений, которые люди придают вещам и отношениям. «Любовь», «преступление», «наказание» и другие явления — это повседневные феномены, которым в разных контекстах приписываются различные смыслы. Так, переживание любви, хорошо известное каждому, связано с веками выработанной символикой и ритуалами культуры, облагораживающими половое чувство. Поэтому любовь называют продуктом истории культуры. Стендаль писал о ней как о «чуде цивилизации». Любовь погружена в символический мир, который связывает внутренний мир индивида с культурным прошлым его этноса. Она неразрывно связана с формированием личности и даже конституирует человека как личность. Именно поэтому любовь нередко предлагают считать критерием существования человека. Её понимание возможно лишь на основе истории культуры.

В этом контексте феномен современной «сексуальной революции», нацеленный на устранение «предрассудков» и «излишних сложностей» на пути удовлетворения одного из важнейших влечений человека, можно и нужно рассматривать как феномен антикультуры. Согласимся с отечественным исследователем И. С. Коном, отмечавшим, что «сексуальная активность, какой бы высокой она ни была, не может заменить других форм самореализации. Главные трудности, с которыми будут сталкиваться люди XXI века — не столько сексуальные, сколько коммуникативные — чувство одиночества, неудовлетворенная потребность в самораскрытии, любви и психологической интимности» [10, с. 29–41].

Раскрывая и дополняя ранее отмеченные характеристики культуры повседневности, следует подчеркнуть, что она является фундаментальным условием человеческого существования. Охватывая организацию социальных отношений, институтов и непосредственное бытие человека, культура повседневности включает сложную систему потребностей, интересов, обыденных практик, житейского опыта и здравого смысла, формирующих ментальность и исходные представления о мире. Культура повседневности характеризуется сочетанием универсальных и уникальных элементов, объективного и субъективного опыта, социального и индивидуального. Благодаря своей диалектической природе она становится особенно важной для понимания этнокультур. Именно эта специфика делает её ярким индикатором общего и особенного в этнокультурах, выявляя ключевые противоречия между тенденциями к культурной унификации и стремлением к сохранению уникальности культурного опыта.

Благодаря своей текучести и непрерывности культура повседневности служит барометром социальных трансформаций. Именно в рутинных практиках находят своей выражение и укореняются общественные преобразования. Через обыденную реальность, привычные предметы и действия отражаются глубокие сдвиги в обществе, показывая, как масштабные процессы преломляются в мелких, личных деталях жизни отдельного человека. Этот процесс «ещё более заметно разворачивается на общем фоне отказа от “обезличенных универсальных” типологических схем объяснения общества и культуры» [11, с. 154].

В границах культуры повседневности формируются механизмы понимания, адекватного восприятия и принятия «другого» — незнакомой и зачастую чуждой реальности, иной культуры. Это происходит в силу того, что повседневность ставит разные культурные опыты в равные условия, создавая прочную базу для эффективного межкультурного диалога и преодоления кризиса этноидентичности. В современном мире это как никогда актуально.

Антропологические вызовы современности: четыре ключевые проблемы. Современный мир сталкивается с серьёзными антропологическими вызовами. Проблема судьбы человека, его предназначения, субъективности, свободы и исторического пути превратились в насущные вопросы, активно обсуждаемые культурологами, философами и гуманитариями. То, что было предметом тысячелетних размышлений, сегодня требует практического осмысления.

Спектр проблем, которые относят к антропологическим вызовам современности, широк. Как справедливо отмечает О. В. Плебанек, среди антропологических вызовов современности, определяющих тренды дальнейшего развития человечества наравне с технологическими, особую значимость приобрели следующие четыре [12].

Первый из современных антропологических вызовов — это отношение к архаическим обществам и культурам, точнее, проблема их сосуществования с так называемыми цивилизованными обществами и культурами. Эта давняя проблема в условиях растущего взаимодействия и интенсивных потоков межкультурной коммуникации приобретает особую остроту. Она выступает как нерешённый и принципиально важный вопрос: могут ли последующие поколения сами выбирать свой образ жизни, сохранять или безвозвратно утрачивать ценности, привычную повседневность, обычаи и нормы.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что проблема сосуществования архаичных и модернизированных культур многогранна и требует комплексного подхода. Она затрагивает не только межгосударственные отношения, но и внутреннюю государственную культурную политику. Характеристикой современной социокультурной ситуации в мире и его отдельных регионах стало сложное сочетание элементов модернизации с актуализацией архаизирующей тенденции [13]. В результате возникает парадоксальное явление: одновременно идёт процесс смешения культурных традиций и этнических групп, и обостряется раскол интересов и убеждений между сообществами, например, между «нативизмом» и «глобализмом» [14], «патриотизмом» и «космополитизмом». Нельзя не согласиться с М. С. Гусельцевой, которая пишет: «космополитизм, воспринимаемый прежде как мировоззрение и элитарный жизненный стиль малых групп, становится в наши дни повседневным (хотя и не всегда осознаваемым) опытом одних сообществ и в то же самое время выходит за рамки представлений о социальной нормальности в других сообществах» [15, с. 18].

Выработаны различные модели воскрешения архаики: «тотальная архаизация», «неполная архаизация», и наиболее приемлемая модель — «диалог культур». Последняя предполагает целенаправленную адаптацию архаических форм культуры через их частичную модернизацию и включение в современную социокультурную практику, особенно в культуру повседневности, с обязательным сохранением их исходного архаического содержания. Однако реализация этой модели сталкивается с рядом серьёзных трудностей и рисков, что и делает данную проблему одной из ключевых антропологических задач современности.

Второй антропологический вызов современности связывают с проблемой биологической эволюции человека. В арсенале современной науки — достаточ-

ное количество эмпирических данных, подтверждающих продолжающиеся эволюционно-биологические изменения человечества: акселерация, ювенализация и другие явления. При этом ряд процессов объясняется наличием у человека культурной среды, поскольку эволюционируют в первую очередь те из биологических свойств человеческого организма, которые необходимы для адаптации и выживания человека именно в культуре. Например, увеличение срока взросления обусловлено ростом сложности культуры, в которую входит человек в процессе социализации и инкультурации. При этом тело эволюционирует в сторону возрастающей зависимости от техники и технологий.

Этот тренд был замечен ещё в XX веке. О неоднозначности такого развития и связанных с ним антропологических рисках предупреждал советский философ Э. В. Ильенков (1924–1979), чей 100-летний юбилей отмечала как отечественная, так и зарубежная философская общественность, а также его земляки [16; 17; 18]. В работе «Об идолах и идеалах» (1968) он называл идолом идеал машины, которая якобы «умнее» человека. Почему? Как философ, много работавший над философским осмыслением проблем человека, его взаимоотношений с культурой, наукой, техникой, искусством и нравственностью, над вопросами обучения и воспитания личности, Э. В. Ильенков считал, что такой идеал принижает человеческое достоинство и потенциал быть универсальной личностью.

С точки зрения машинно-технических критериев в человеке слишком много «лишнего». Машина, напротив, тем лучше, чем точнее её конструкция соответствует «частным функциям» [19, с. 293–294]. Поэтому острейшей проблемой Ильенков считал не создание новых машин, «умнее и сильнее человека», а задачу — как сделать самого человека умнее, сильнее и предусмотрительнее, чем вышедшая из-под его контроля машинерия капиталистического производства [19, с. 312]. Задача остаётся актуальной и в XXI столетии, и поиск её решения порождает новые антропологические вызовы.

Здесь мы выходим на **третий** обозначенный О. В. Плебанек антропологический вызов, связанный с проблемой человеческого тела как конструкта [12]. Современная культура позволяет компенсировать врождённые или приобретённые недостатки человеческой телесности — это позитивный эффект. Однако вызывает тревогу растущая тенденция создания тела, которое не может существовать в естественной среде, поскольку сконструировано не в соответствии с физиологическими возможностями и потребностями, а произвольно, под воздействием моды и других культурологических факторов — бодибилдинг, трансформинг и др.

В отечественной исследовательской традиции (А. Ф. Лосев, И. М. Быховская, Л. В. Жаров и др.) телесность рассматривается как показатель социокультурных качеств человеческого тела. Хотя тело человека остаётся средоточием действия законов органического мира, оно одновременно подвержено влиянию социокультурных закономерностей, которые модифицируют, но не отменяют проявления этих законов.

Человеческая телесность во все времена составляла важную аксиологическую сферу культуры. Пол и телесность, наряду с нравственностью, семьёй, личностью и другими ценностями, выступают культурными универсалиями, что делает их устойчивыми к радикальным изменениям и тем более элиминированию из социокультурного процесса. В современных условиях наблюдается опасная тенденция экспериментирования с этими универсалиями, что начинает осознаваться как угроза самой возможности и перспективе человеческой жизни.

Угроза существованию человеческой телесности, сформированной миллионами лет биоэволюции и всё более активно преобразуемой техногенным миром, реальна и усиливается. Не менее серьёзной представляется перспектива «планомерного» генетического совершенствования антропологического материала, его приспособления к новым, растущим социальным нагрузкам. Такие перспективы сопряжены также с рисками манипуляций над психикой через воздействие на мозг.

Появление цифровой антропологии в конце XX века стало свидетельством усилившегося интереса к человеку в новых условиях. Эта область ставит своей целью постижение «сути человека через создаваемые им культурные миры», теперь уже цифровые [20, с. 47]. Её проблемное поле включает необходимость сопоставления теоретических рамок, привычных для анализа нецифровой культуры, с цифровой реальностью как новым объектом исследования. Множество возникающих вопросов стимулирует поиск ответов, способных углубить понимание человеческой сущности в контексте цифровой среды. Именно поэтому в центре внимания цифровой антропологии находится дихотомия, обозначаемая как «digital/human» [21]. Современная виртуальность не становится препятствием для проявления человеческой сущности — напротив, она создаёт новые условия для её самореализации: «технически генерируемые виртуальные платформы позволяют моделировать культурные практики, высвечивающие такие стороны человеческой природы, которые в условиях “реального” мира остаются скрытыми или непроявленными» [20, с. 58].

В этой связи особую тревогу вызывает проблема искусственного интеллекта, которую можно рассматривать как ещё один, **четвёртый**, тесно связанный с предыдущими антропологический вызов современности. Академик В. А. Лекторский, как и многие исследователи, рассматривающие глобальную цифровизацию как антропологический вызов, предупреждает: новые проблемы настолько серьёзны, что заставляют думать об экзистенциальных угрозах, антропологической революции, а то и катастрофе [22].

Осмысление ситуации через призму классических антропологических констант, сформулированных И. Кантом как три фундаментальных вопроса о человеке (что я, человек, в лице всего человечества могу знать; должен делать; на что смею надеяться), показывает: благодаря глобальной цифровизации и системам искусственного интеллекта человек и человечество получают ранее недоступные возможности и преимущества. Выгоды от цифровизации неоспоримы — равно как и проблемы, ею порождённые в различных сферах жизнедеятельности.

Цифровизация, наряду с другими факторами, обуславливает возрастающую сложность современного социума, что усиливает нестабильность и рискогенность социальной среды. В этих условиях концепты социализации, инкультурации и социокультурной адаптации приобретают повышенную актуальность. Возникает потребность в поиске оптимальных стратегий и форм интеграции и адаптации к новым условиям. Стандартизация социальных практик становится одним из ключевых адаптивных механизмов, всё шире проникающих в повседневную жизнь. Как отмечают исследователи, «упрощённые практики становятся ответом на вызовы сложности, которые позволяют осуществлять организацию социальной жизни на массовом уровне, удовлетворяя потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего» [21, с. 38].

Стандартизация, долгое время выступавшая спутником культуры повседневности, становится неотъемлемой частью цифровизации. Представляя собой совокупность унифицированных требований, эталонов, моделей и правил поведения, она сегодня нередко сводит качественные характеристики к количественным, содержание к форме, упрощая и искажая суть. Под влиянием технизации повседневность трансформируется, и человек постепенно превращается из активного субъекта в пассивного пользователя — «юзера». Он умеет обращаться с техническими средствами и делает это с удовольствием, но при столкновении с малейшими проблемами теряется. Даже вне технической среды современный человек зачастую чувствует себя беспомощным, способным лишь использовать артефакты повседневности, не понимая их устройства и принципов функционирования.

Вынужденный полагаться на стандартизацию, человек ищет и применяет шаблоны — с помощью инструкций, консультаций специалистов, советов знакомых или популярных блогеров. Социальные практики, соответствующие принятым стандартам, наиболее распространены именно в повседневном мире, к которому особенно важно приспособиться. Однако упрощённые практики, создавая иллюзию стабильности и комфорта, сами могут становиться источником новых рисков.

Заключение. Антропологический смысл культуры повседневности, выявленный, теоретически обоснованный и интерпретированный социогуманитарным знанием прошедшего столетия как базис надёжности и определённости, приобретает новые аспекты и сущностные характеристики. Привычная нормативность повседневности трансформируется в результате ускорения социальной динамики, появления инноваций в материальной и духовной сферах жизнедеятельности социума. Возникает необходимость в переосмыслении роли культуры повседневности в эпоху перемен — не как стабильного и привычного фундамента, а как динамичного адаптивного пространства, способного стать основой формирования новых смыслов, ценностей и идентичности. И в этой связи изучение антропологии культуры повседневности приобретает особую актуальность: как человек конструирует свою жизнедеятельность в ситуации неопределённости и перемен; какие механизмы адаптации создаёт социальная динамика; где источник новых ценностей, смыслов и идентичности?

«Цивилизация юзеров», о которой пишут современные исследователи, не порождена самой повседневностью, но именно в её реалиях люди ищут и находят кратчайшие пути адаптации. В этой связи становится особенно важным противостоять тенденции культивирования дилетантизма как способа взаимодействия с тотальной властью техники, СМИ и политических структур. Эта тенденция должна быть сбалансирована стремлением к развитию высших человеческих ценностей: ответственной свободы, достоинства, творчества, идентичности, понимания и взаимопонимания.

«Наука... Математика, кибернетика. Эффективность, оптимальность, информация, обратная связь. Черный ящик. Вроде бы все складно, логично... Нет, не могу вдохновиться эдаким. Чего-то здесь очень важного недостаёт. Чего?» [19, с. 10] — ещё полвека назад размышлял Э. В. Ильенков, одним из первых попытавшийся осмыслить антропологические последствия технологизации культуры. Этот вопрос, обретающий всё новые грани, предстоит осмыслить современным и будущим исследователям наравне с другими аспектами антропологических вызовов современности.

Библиографический список

1. Уайт Л. А. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб : Университетская книга, 1997. С. 141–156.
2. Гириц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб : Университетская книга, 1997. С. 115–140.
3. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. 784 с.
4. Касагин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с. EDN [QVIBJT](#).
5. Капкан М. В. Культура повседневности: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2025. 104 с.
6. Станкевич Л. П., Полякова И. П. Феномен повседневности: сущность, содержание и целостность // Философия и общество. 2009. № 2(54). С. 72–81. EDN [KWHRCB](#).
7. Козлова Н. Н. Повседневность // Новая философская энциклопедия : в 4 томах. Т. 3. М. : Мысль, 2001. С. 254–255.
8. Итунина Н. Б., Любимова Е. А. Культура повседневности и ее роль в поддержании этнической идентичности // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 6. С. 8–14. DOI [10.5281/zenodo.3602476](#). EDN [USAZPU](#).
9. Лотман М. Ю. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVII–начало XIX века). СПб : Искусство – СПб, 1997. 399 с.
10. Кои И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 29–41.
11. Адань, Аотгенхуар, Сум Б. Интерпретация повседневности как совокупности «жизненных миров» и «миров опыта» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7, № 2. С. 151–159. DOI [10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-14](#). EDN [STGIOB](#).
12. Плебанек О. В. Антропологические вызовы современности // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества : сб. науч. ст. по результатам Международного симпозиума «Гуманизм XXI столетия: К идеологии самосохранения человечества» (СПб, 20–21 ноября 2009). СПб : Санкт-Петербургское культурологическое общество, 2010. С. 77–79.
13. Хачатурян В. М. Архаизация и модернизация в современной России: к проблеме модернизационного потенциала архаики // Исторические повороты культуры: сб. науч. ст. М. : Согласие, 2018. С. 77–85.
14. Крастев И. После Европы. М. : Дело, 2018. 144 с. EDN [QSHJOJ](#).
15. Гусельцева М. С. Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 1. С. 12–34. DOI [10.28995/2073-6398-2022-1-12-34](#). EDN [BBDBNF](#).
16. Итунина Н. Б., Разина Л. С., Фоменков А. И. «Я “прощайте” Вам не сказал» (к 100-летию со дня рождения Э. В. Ильенкова) // Творческое наследие Э. В. Ильенкова и современность. 2024. № 10. С. 6–16. EDN [NJOGBE](#).
17. Лекторский В. А. Об Эвальде Васильевиче Ильенкове // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 5–7. DOI [10.21146/0042-8744-2024-3-5-7](#). EDN [VZEANR](#).
18. Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях : сб. / Авт.-сост. и отв. ред. Г. В. Лобастов. М. : Русская панорама, 2024. 448 с.
19. Ильенков Э. Об идолах и идеалах. 2-е изд. Киев : Час-Крок, 2006. 312 с.
20. Седых О. М. Концепт культуры в цифровой антропологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 3. С. 44–60. DOI [10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60](#). EDN [AKFBVW](#).
21. Miller D., Horst H. A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology // Digital anthropology / Ed. by H. A. Horst, D. Miller. London; N.Y. : Berg, 2012. P. 3–38. DOI [10.4324/9781003085201-2](#).
22. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]. СПб : Издательство «Юридический центр», 2022. 328 с. EDN [XSBHKY](#).
23. Зарубина Н. Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5(361). С. 37–46. EDN [SEJMWJ](#).

Поступила: 17.03.2025. Доработана: 30.04.2025. Принята: 15.05.2025.

Сведения об авторах:

Ивенкова Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и философии, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия.

Ivenckova@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 527048; ORCID: 0000-0001-7534-1238

Итунина Нина Борисовна, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и философии, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия.

nina.itunina@mail.ru

Author ID РИНЦ: 585344

O. A. Ivenkova¹, N. B. Itunina¹

¹Smolensk State University, Smolensk, Russia

EVERYDAY CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: A SOCIO-ANTHROPOLOGICAL APPROACH

Abstract. The modern contradictory and risk-generating sociocultural dynamics necessitate the actualization of philosophical and culturological analysis regarding the anthropological meaning of culture in general, and everyday culture in particular. The aim of this study is to examine theoretical interdisciplinary approaches to understanding the anthropological significance of everyday culture and to identify their functional potential for addressing contemporary problems. Philosophical-historical, culturological, and semiotic approaches are used in the analysis, including elements of the comparative-historical method for examining the phenomenon of everyday culture and its connection with historical sociocultural processes. The authors reveal various dimensions of the anthropological meaning of everyday culture as a micro-level slice of culture where deep layers of cultural heritage are accumulated and transmitted, while at the same time new forms of human identity are formed. Based on interdisciplinary research, key anthropological challenges of the modern era have been identified: coexistence of archaic and modernized cultures; evolutionary-biological changes affecting humanity; preservation of corporeality as an anthropological value; and human self-realization in the context of artificial intelligence development. It is concluded that under ongoing sociocultural, ecological, and technological transformations, everyday culture becomes an area of heightened vulnerability and simultaneously a source of resistance to destructive tendencies, preserving the profound anthropological potential of society and the individual.

Keywords: everyday culture, anthropological meaning of culture, anthropological challenges, identity, digital transformation, personality

For citation: Ivenkova O. A., Itunina N. B. Everyday culture in the context of modern challenges: a socio-anthropological approach. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.4>

References

1. White L. A. The Science of Culture. In: *Anthology of Cultural Studies*. Vol. 1. Interpretation of Culture. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. P. 141–156. (In Russ).
2. Geertz C. The Interpretation of Cultures. In: *Anthology of Cultural Studies*. Vol. 1. Interpretation of Culture. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. P. 115–140. (In Russ).
3. Cassirer E. *Favorites. An Essay on Man*. Moscow: Gardarika; 1998. (In Russ).
4. Kasavin I. T., Schavelev S. P. *Analysis of everyday reality*. Moscow: Canon+; 2004. (In Russ).
5. Kapkan M. V. *Culture of Everyday Life: a Textbook for Universities*. Moscow: Yurait; 2025. (In Russ).
6. Stankevich L. P., Polyakova I. P. The Phenomenon of Everyday Life: Essence, Content and Integrity. *Philosophy and Society*. 2009; (2):72–81. (In Russ).
7. Kozlova N. N. Everydayness. In: *New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 2001. P. 254–255. (In Russ).

8. Itunina N. B., Lyubimova E. A. Culture of Everyday Life and its Role in Maintaining Ethnic Identity. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2019;(6):8–14. (In Russ). DOI [10.5281/zenodo.3602476](https://doi.org/10.5281/zenodo.3602476).
9. Lotman M. Y. Conversations about Russian Culture. The Life and Traditions of the Russian Nobility (XVII-early XIX Century). Saint Petersburg: Iskusstvo – SPB; 1997. (In Russ).
10. Con I. S. Human Sexualities at the Turn of the XXI Century. *Voprosy Filosofii*. 2001;(8):29–41. (In Russ).
11. Adan, Aotgenhuar, Sum B. Interpretation of everyday life as a set of “life worlds” and “worlds of experience”. *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2021;7(2):151–159. (In Russ). DOI [10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-14](https://doi.org/10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-14).
12. Plebanek O. V. Anthropological Challenges of Modernity. In: Cultural Studies and Global Challenges of Modernity: Towards the Development of Humanistic Ideology of Mankind's Self-Preservation: coll. of scient. art. based on the results of the International Symposium ‘Humanism of the XXI Century: Towards an Ideology of Mankind's Self-Preservation’ (St. Petersburg, 20-21 November 2009). St. Petersburg: SPbKO Publ., 2010. P. 77–79. (In Russ).
13. Khachaturian V. M. Archaization and Modernization in Modern Russia: to the Problem of Modernisation Potential of Archaics. In: Historical turns of culture: coll. of scient. art. Moscow: Soglasie; 2018. P. 77–85. (In Russ).
14. Krastev I. After Europe. Moscow: Delo; 2018. (In Russ).
15. Guseltseva M. S. Man and the World in a Situation of Change: a Transdisciplinary Approach. *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology, Pedagogics, Education” Series*. 2022;(1):12–34. (In Russ). DOI [10.28995/2073-6398-2022-1-12-34](https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-1-12-34).
16. Itunina N. B., Razina L. S., Fomenkov A. I. I Didn't Say Goodbye to You” (on the 100th Anniversary of the Birth of E. V. Ilyenkov). *Creative Heritage of E. V. Ilyenkov and Modernity*. 2024;(10):6–16. (In Russ).
17. Lectorsky V. A. About E. V. Il'enkov. *Voprosy Filosofii*. 2024;(3):5–7. (In Russ). DOI [10.21146/0042-8744-2024-3-5-7](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-3-5-7).
18. Lobastov G. V. (auth.-comp., ed.) The Image of Evald Ilyenkov in Memoirs. Moscow: Russkaya panorama; 2024. (In Russ).
19. Ilyenkov E. About Idols and Ideals. 2nd ed. Kiev: Chas-Krok; 2006. (In Russ).
20. Sedykh O. M. The Concept of Culture in Digital Anthropology. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2024;48(3):44–60. (In Russ). DOI [10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60](https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60).
21. Miller D., Horst H. A. The Digital and the Human: Prospectus for Digital Anthropology. In: Horst H. A., Miller D. (eds). Digital anthropology. London; N.Y. : Berg; 2012. P. 3–38. DOI [10.4324/9781003085201-2](https://doi.org/10.4324/9781003085201-2).
22. Lektorsky V. A., Vasiliev S. N., Makarov V. L. [et al.] Man and Artificial Intelligence Systems. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ.; 2022. (In Russ).
23. Zarubina N. N. Simplified Social Practices as an Adopting Means to Complex Socium. *Sociological Studies*. 2014;(5):37–46. (In Russ).

Received: 17.03.2025. Corrected: 30.04.2025. Accepted: 15.05.2025.

Author information:

Olga A. Ivenkova, Candidate of Philosophy, Associate professor, Head of the Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University. Smolensk, Russia.

Ivenckova@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-7534-1238](https://orcid.org/0000-0001-7534-1238)

Nina B. Itunina, Candidate of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University. Smolensk, Russia.

nina.itunina@mail.ru